Е.В. Глухова, Д.О. Торшилов

Андрей Белый в Первую мировую войну

Говоря об итогах мировой войны, Андрей Белый писал в «Истории становления самосознающей души»: «Все наши времяизмерители остановились; и стрелки их указывают на все тот же пункт времени, пункт, в котором часы сломались: “1914 год. Мировая война”: то, что было “до”, — объяснимо во времени; то, что после, — необъяснимо; ‹...› а единственное объяснение нами пережитого — не объясняющая ничего “констатация”: Мировая катастрофа, большевики, гибель России, Европы и т. д.»[1]. На самом деле попытки такого объяснения он предпринимал с первых месяцев войны; они в значительной степени отразились в публикуемых очерках.

Во время начала войны Белый находился в швейцарском Дорнахе (под Базелем), в интернациональной (хотя преимущественно все же немецкой) коммуне антропософов, строивших собственными руками своего рода антропософский храм, «Иоанново здание» (или «Гётеанум»). Практически бросив писательскую деятельность, он несколько месяцев работает резчиком по дереву на архитравах Гётеанума. Идеалы интернационализма и мирного строительства светлого будущего были общими для антропософов, например, с коммунистами; война, в которую втянуты все нации, оказалась в разительном противоречии с ними, будто бы их черной изнанкой. В годы войны Белый постепенно возвращается к литературному творчеству, а затем приезжает в Россию; цикл очерков, которые он в это время публикует в «Биржевых ведомостях»[2], имеет отношение и к одному и к другому решению. Впоследствии значительная часть этих очерков вошла, целиком или частями, в книгу «Кризис жизни»[3], а мысли, темы и образы из них появлялись во многих книгах писателя.

Белый с А.А. Тургеневой окончательно поселились в Дорнахе в марте 1914 г.; война началась 31 июля. Сразу за Базелем находится Эльзас, который Германия отобрала у Франции

---

[1] Цит. по: *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Воспоминания о Штейнере / Сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной, М.Л. Спивак. М., 2000. С. 545.

[2] Мы не включаем в публикацию специфически литературоведческий очерк «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятьи природы», помещенный в «Биржевых ведомостях» 26 июля (после «Востока или Запада», перед «Мертвыми городами»), который потом автор перепечатал в книге «Поэзия слова» (СПб., 1922).

[3] М., 1918. Место в «Кризисе жизни» и степень переработки указаны в комментариях к каждому очерку. Не вошли в «Кризис жизни» ни в каком виде и не перепечатывались:

— конец «Гремящей тишины»;
— вторая половина «Горизонтов сознания»;
— «Природа» (кроме нескольких пассажей; зато часть ее вошла в предисловие к «Котику Летаеву»);
— «Современные немцы»;
— первая часть «Мертвых городов»;
— «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии».

в прошлую войну, Франко-прусскую, а Франция пыталась вернуть (и вернула по результатам Первой мировой). Военные действия лета–осени 1914 г. (так называемая Лотарингская кампания) начались в непосредственной близости от антропософской коммуны; ее участникам и жителям Базеля был постоянно слышен грохот немецкой и французской артиллерии. Этому грохоту Белый посвящает первый из публикуемых очерков, а затем воспоминания о нем неоднократно встречаются в его произведениях.

Уже в сентябре Белый начинает писать о войне: «Я начинаю писать дневник, из которого впоследствии вышел материал моих кризисов»[1]. Эта запись в «Материале к биографии» сделана после завершения цикла «Кризисов»; сначала материалы упомянутого «дневника» легли в основу публикуемых очерков.

Военные действия повлекли за собой повсеместный экономический кризис, отразившийся и на книгоиздательской деятельности; в частности, не оправдались надежды писателя на издание Полного собрания сочинений в книгоиздательстве «Сирин», которое закрылось с началом войны. Кроме того, окончательно испортились отношения писателя с Э.К. Метнером, редактором издательства; журнал «Труды и дни» с началом войны фактически прекратился — в 1915 г. он совсем не выходил, а в 1916-м Метнеру удалось собрать лишь один номер из накопившихся в редакционном портфеле работ. Кроме того, в августе 1914 г. вышла книга Э. Метнера «Размышления о Гёте»[2], направленная против Штейнера. Работа над полемическим ответом Метнеру, книгой «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», — основное занятие Белого в первой половине 1915 г. (без какой-либо возможности опубликования книги в ближайшее время)[3]. Работа над этой книгой заставила Белого еще глубже, чем раньше, погрузиться в немецкую философию и науку, следы чего мы также находим в большей части публикуемых очерков.

Белый приводит в первых двух очерках трогательные примеры интернационализма и «настоящего пасифизма» как внутри дорнахской общины, так и со стороны швейцарцев, но в действительности, как можно увидеть по «Материалу к биографии», самоощущение русских в немецкой и немецкоязычной среде не всегда было благополучным[4]. Писатель чрезвычайно болезненно переживает антирусские настроения, отдавая себе отчет в том, что в ситуации, когда военные действия идут уже на границе нейтральной Швейцарии, готовящейся к тотальной мобилизации, — вырваться в Россию нет никакой возможности. Кроме того, работа антропософской общины и до войны находилась под прицелом недоброжелательных взглядов швейцарского обывателя, а в ситуации повсеместной экономической и политической нестабильности подозрительность местного населения обрушивается на головы антропософов. Наконец, и внутри самого Антропософского общества нарастают тенденции внутреннего кризиса. Осенью 1915 г. Белый уезжает в то путешествие по Швейцарии, которое описано в очерках «Природа» и «Мертвые города». После этого начинается — и захватывает его — работа над «Котиком Летаевым» (в предисловии к которому мы находим отрывок из «Природы»).

---

1 Материал к биографии (интимный...). Цит. по: *Малмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. М., 1992. № 8. С. 409.

2 *Метнер Э.К.* Размышления о Гёте. Кн. 1: Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914.

3 *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917.

4 См. коммент. к очерку «Гремящая тишина».

К весне 1916 г. обстановка внутри дорнахской общины становится для Белого совсем труднопереносимой, о чем говорят письма к Иванову-Разумнику и Блоку: «2 1/2 года я живу в глухой, злой деревне среди враждебного населения и измученной кучки людей, дотерзывающих свое здоровье непосильным физическим трудом среди... “сумасшедшего дома” *старух, старых дел и “психо-патологических»* дам ‹...› Вот наше положение в Дорнахе: молодежь, *ухлопавшая* свое здоровье и силы, *выдана* 1) населению, 2) сумасшедшему дому; мы все не один раз бывали оклеветаны, опозорены, оплеваны: 1) глупым населением, до сих пор полагающим, что мы — “мормоны”, и на этом основании считающим, что, например, молодые барышни и дамы, стучащие молотками, — “*работницы-проститутки”,* которых топить надо; 2) мы все не раз бывали опозорены “извращенными” старухами (воображение оккультной старой девы — грязно до чудовищности...)»[1]. Одновременно, отправляя Блоку письмо со словами благодарности за выхлопотанную субсидию от Литературного фонда, Белый повторяет слова, сказанные в письме Иванову-Разумнику: «‹...› мне открылась картина этой зимы: воет ветер, в оконные стекла бьет жалкая изморось; свинец облачный припадает к земле; из свинца рычит грохот пушек; ты приходишь домой — иззябший физически и иззябший морально ‹...› из-за загородки “злых”, “ведьмовских” взглядов, опорачивающих тебя, из трескотни чужеземных слов — из толпы тебя презирающих, как дурачка, и ненавидящих иногда, как русского, к которому с симпатией относится д‹окто›р: с сознанием, что еще ряд безысходных месяцев ты будешь обречен вращаться среди полусумасшедших “оккультических” старых дев ‹...› вот с таким сознанием возвращаясь домой ‹...› я бывал охвачен воистину безысходностью»[2]. Белому, как рассказывается в «Материале к биографии», мерещится и слежка; можно объяснять конкретные случаи опасений расстроенными нервами (так их иногда объяснял и сам автор), но все же маловероятно, что разведка обеих воюющих за Эльзас и Лотарингию держав не обращала внимания на соседнюю нейтральную территорию (хотя бы в виду возможности обхода с фланга и предупреждения аналогичных планов противника).

На фоне описанной выше ситуации с издательствами любой писательский заработок казался Андрею Белому благом; устройством издания его трудов занимался Р.В. Иванов-Разумник, живое участие принимал и Александр Блок; именно они пытались организовать отдельное издание романа «Петербург» и опубликовать хотя бы частично, в газетах, цикл «Путевые заметки», посвященные путешествию по Италии и Северной Африке. В начале марта 1916 г. Белый неожиданно получил денежную субсидию и, предполагая, что деньги являются гонораром за публикацию «заметок», радостно сообщал Иванову-Разумнику: «Получил я приглашение писать фельетоны в “Биржевые ведомости”. И уже отослал 2 фельетона: шлю еще два»[3]. Однако Иванов-Разумник неожиданно резко отреагировал на сотрудничество Белого с «Биржевыми ведомостями»: «‹...›я сговорился с П.Е. Щеголевым, редактором литературного отдела газеты “День”, о помещении в этой газете 10 фельетонов из “Путевых заметок” ‹...›, но на днях он отказался от своего обещания, ввиду появления Ваших статей в “Биржевых ведомостях”. Это, действительно, досадно; к тому же Вы, за границей, не знаете российских

---

1 Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 68–69.

2 Андрей Белый и Александр Блок: Переписка 1903–1919 / Публ., предисл., коммент. А.В. Лавров; подг. текста А.В. Лавров, Г.В. Нефедьев. М., 2001. С. 506–507.

3 Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 63.

литературных дел и нашей “желтой прессы”; к ней принадлежат и “Биржевые Ведомости”, хотя в них, к сожалению, сотрудничают и Бердяев и Гершензон и иные многие»[1]. Можно понять возмущение Иванова-Разумника, однако «Биржевка», как ее называли, была одной из самых читаемых газет предреволюционных лет[2]. В ответ Белый оправдывался: «Придется писать в *Б‹иржевых› В‹едомостях›*. Вы спросите, как я попал туда. Скажу, что и сам не знаю. Но я слышал еще за 8 месяцев до приглашения меня о коренной реорганизации этой газеты, что там распоряжается Тан (которого я привык уважать), что *все* там пишут и т. д. (Газеты я не видел.) И когда я получил вдруг приглашение туда в критический момент моей жизни, я, признаться сказать, думал, что это приглашение — результат Вашей любезности; у меня денег не было: надо было найти хоть какой-нибудь заработок, давалась мне *carte-blanche* относительно тем: я ответил согласием ‹...› Я топлю свои “горестные минуты” в фельетонах; верите ли: как ребенку дорога игрушка, так мне дорого хотя бы где-нибудь писать, чувствовать себя — в круге другой, литературной, а не этой “*дорнахской”* жизни»[3].

Нам неизвестно, кто пригласил Белого к сотрудничеству в «Биржевых ведомостях». Можно лишь догадываться: например, литературным редактором газеты в эти годы был А.Л. Волынский (Флексер); его упоминает Белый в «Современных немцах». Волынский давно сотрудничал с Д.С. Мережковским и Зинаидой Гиппиус, и не исключено, что инициатива исходила от них (тем более, что именно Мережковский и Гиппиус выступили поручителями при назначении денежной субсидии, которая была выдана писателю Литературным фондом в это же время).

Так объясняется появление в «Биржевых ведомостях» столь неожиданного для газеты цикла очерков — лирико-философских, иногда историко-культурных, иногда пейзажных, один раз даже профессионально литературоведческого[4]. Хотя Белый, как он писал Иванову-Разумнику, по договоренности с редакцией «имел *carte blanche* относительно тем», идея «военной корреспонденции» в этой договоренности все же в каком-то виде присутствовала. Ответ на вопросы «Что в Швейцарии говорят о войне?» и «Что в Швейцарии пишут о России?» явно прослеживается в «Гремящей тишине» и в «Москве и Петербурге в прессе немецкой Швейцарии». Автор не был на фронте, но мы видим некоторые характерные реалии военного времени: панику ожидания мобилизации и затем терпеливое оцепенение под «гремящую тишину» гражданского населения, мгновенную гибель цеппелина на горизонте и варварскую неуместность полупустого курортного Монтрё.

«Гераклитианец», как он сам называл себя[5], Белый часто строит очерк (или их последовательность) сопряжением взаимоисключающих противоположностей. «Гром и тишина»

---

1 Там же. С. 66.

2 В мае 1916 г. Белый встретил в Лугано 80-летнего П.Д. Боборыкина, читавшего «Биржевые ведомости» и похвалившего его статьи («Люблю тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Изд. С.Д. Воронин. М., 2013. С. 229; письмо от 23 июня 1916).

3 Там же. С. 68–69.

4 Ср.: «В понимании Андрея Белого очерк — очень широкая форма, куда входит решительно все, на чем нет клейма ненавистного бытового романа и вообще беллетристики. “С этой точки зрения, — сказал О. М., — *Разговор о Данте* тоже очерк”. Андрей Белый подтвердил» (*Мандельштам Н.Я.* Воспоминания / Подг. текста Ю.Л. Фрейдина; примеч. А.А. Морозова. М., 1999. С. 182).

5 В дневнике 1933 года (Последняя осень Андрея Белого: Дневник 1933 года / Публ. М.Л. Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. № 46; запись от 11 сентября; ср.: Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. С. 31–32; также: *Андрей Белый*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 201, и др.).

одновременно, немое оцепенение швейцарской провинции из первого очерка, являющееся на самом деле грохотом крушения старого мира, ищут себе объяснения; второй очерк, «Горизонты сознания», напоминает обо всех не услышанных в свое время предвестиях войны, обо всех предупреждениях о внутреннем, духовном кризисе; пушки гремели в сознании художников и философов уже давно; противоположность глухоте к ним и друг к другу — «Армия спасения» из последней главки очерка. Третий очерк, «Кризис жизни», продолжает объяснение состояния европейской цивилизации начиная со Средних веков и Ренессанса; средневековая жестокость осталась не вытесненной Возрождением, продолжала скрыто присутствовать в самых утонченных проявлениях Европы и теперь вырывается наружу; так третий очерк отвечает на вопрос первого.

С «Природы» начинается новый виток мысли. Автор бросает и город, и грохочущие вдали пушки, будто бы окончательно расставаясь с идеей «военной корреспонденции» или хотя бы статьи, анализирующей причины войны; он уединяется в романтическом путешествии и доходит до прозрения, говоря словами романтика Жуковского, «Создателя в созданьи»; однако это созерцание, превращаясь в размышление о немецкой мысли и о немецком романтизме, снова становится поиском причин мировой бойни; зеркалом, показывающим ее тайные пружины, оказывается взгляд на немецкую культуру француза, несогласного с германским культурным идеалом принципиально и безоговорочно; трудно понять, какой из двух воюющих сторон сочувствует автор, способный отождествиться со взглядом и той и другой. Пятый очерк, «У немецкой границы», вместо горной идиллии «Природы» начинается с описания идиллического уюта немецкого городка, причем именно такого городка, в котором — в напоминание о «Кризисе жизни» — живет дух высокого германского Ренессанса; но примером этого Ренессанса оказываются «Пляски смерти» Гольбейна: ухмыляющийся скелет, напоминание о войне, сопровождает каждую милую бытовую сценку. Шестой очерк, «Современные немцы», продолжает размышление о Германии и снова сопоставляет воюющие стороны: если в «Природе» немецкая культура показана глазами стоящего по другую сторону линии фронта француза, в «Современных немцах» в зеркале немецкого взгляда показана уже русская литература; и автор и обобщенный «немецкий солдат» описываются одними и теми же фигурами речи, отчего усиливается впечатление, что субъект по обе стороны линии фронта один и тот же.

В седьмом очерке, «О злободневном и вечном», как и в очерке «Природа», автор будто бы забывает о современности с ее фронтом и тылом и вместо этого вспоминает свое мирное путешествие к древнему Сфинксу, но целью его кажущегося отступления от темы снова оказывается утверждение, что субъект, смотревший на Сфинкса при Рамзесе и смотрящий на него в 1913 г., — один и тот же и одинаково беззащитен перед историческим масштабом перемен. В следующей статье, «Восток или Запад», тема истории развивается в схему историософской концепции; и все же эти размышления не уводят автора от современности, но возвращают к ней, потому что калейдоскоп имен и явлений истории культуры оказывается средством самопознания, зеркалом современного человека. Среди анализируемых течений в «Востоке и Западе» преобладают немецкие, — и после этого очерка Белый печатает анализ непреходящих образцов русской культуры («Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятьи природы»); несмотря на узкоспециальный стиховедческий аспект и странный для газеты уровень научности, эта работа перекликается со статьями «Природа» и «О злободневном и вечном» в своем стремлении к точности визуальной зарисовки. Очерк «Мертвые города»

опять возвращает нас к теме Германии, к тому худшему, что, по мысли автора, можно в ней увидеть. Белый не приемлет позицию современного благородного и образованного немца («будем твердо арийцами»), фатальным образом подталкивавшую Германию к фашизму. Эта точка зрения в дальнейшем приближает Белого к концепции «скифства» Иванова-Разумника. В последней статье, «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии», мы опять, как в «Современных немцах», видим Россию глазами корреспондента швейцарской газеты; этот взгляд обещает вместо старой, бюрократической петербургской России какую-то новую, «свежую и свободную»; очерк вышел из печати в день прибытия Белого в Россию[1].

Интонация и смысл завершающих череду очерков последних фраз «Петрограда и Москвы в освещении прессы немецкой Швейцарии» напоминает написанных через полтора года «Скифов» Блока: если старый мир упорствует в самоуничтожении, не внемля призывам к миру, то, хоть мы и помним, и даже помним лучше других, обо всех его ценностях, мы просто уходим, самоустраняемся, не приняв ничьей стороны в этой войне. Весьма вероятно, что Блок следил за очерками в «Биржевых ведомостях», хотя и без этого настроение поэтов, которых Р.В. Иванов-Разумник объединил вокруг альманаха «Скифы», являлось сходным. Это общее для «скифов» настроение и решение — отказ от старой Европы из-за учиненной ею мировой войны — повлияло в дальнейшем на их отношение к русской революции.

Непривычный для европейского рационализма принцип единства субъекта, тождественности личного и общечеловеческого «я», без которого нельзя понять внутреннюю логику цикла, согласуется не только с антропософской концепцией самосознания как высшей части человека, но и с более ранним интересом Белого к «Упанишадам» и Веданте, о которых он читал, например, на протяжении многих лет немецкие книги Пауля Дейссена (как до знакомства со Штейнером, так и после отъезда из Дорнаха)[2]. Свойственный философии Веданты принцип единства субъекта, tat tvam asi, для автора очерков является само собой разумеющимся; это исходная посылка его мыслей, а не вывод из них.

За пределами очерков остались наиболее личные, а также специфически антропософские трактовки военной темы. Годы войны, слившиеся в сознании Белого с личностным кризисом, он подробно описывал в более поздних заметках, посвященных годам ученичества у Штейнера, — «Материале к биографии»[3]. Белый неоднократно возвращается к мысли о том, что военные действия отражают этапы его собственной внутренней битвы на путях самопознания; из этого следует глубоко интимная трактовка темы войны. Один из этапов антропософского пути самопознания — «встреча с Драконом» –связывается с образом внешнего «губящего врага», Аримана; с антропософской точки зрения именно Ариман — покровитель тех машин и того механического способа мысли, который привел к войне. Одновременно этот этап самопознания связан с темой борьбы с внутренним врагом — прежним «Я», которое должно умереть[4]. Внешние обстоятельства жизни писателя как нельзя более соответствовали этапам мистериального пути, пути посвящения, в этот период переживаемого Белым в трагедийном аспекте. Переживания августа 1915 года он характеризовал так: «‹...› я свер-

---

1 23 августа. О дате ср., например, «Жизнь без Аси» (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 31. Ед. хр. 1).

2 См. выше коммент. к очерку «Восток или Запад».

3 «Материал к биографии (интимный, предназначенный для публикации только после смерти автора)» хранится в: ОР РГБ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Частично опубликован Дж. Малмстадом: *Малмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. М., 1992. Т. 6. С. 344–415; Т. 8. С. 409–471; Т. 9. С. 409–449.

4 Минувшее. Т. 9. С. 409–410.

шал некий поступок, который разыгрывался в моих глубинах так: я в символическом обряде сламываю гидру войны; я убиваю самого дракона войны, или ту государственность, которая вызвала войну со всеми ее шпиками, со всеми ее темными тайными организациями во имя 2-го Пришествия и неведомых мне форм любви и братства народов ‹...› около меня рыщет Враг, чтобы уничтожить; передо мной разверзаются все бездны, но я закрыт от тьмы кольцом светлых сил; доктор меня накрыл своим рыцарским плащом и дал мне меч»[1]. Тема войны и борьбы с врагом, таким образом, предельно мифологизируется и рассматривается через призму легенды о борьбе рыцаря со змием.

Работа над строительством Гётеанума на фоне разворачивающихся на границе со Швейцарией военных действий Германии против «союзников» воспринимается Андреем Белым как сугубо символический акт. В этой работе получила символическое антропософское отражение другая постоянная тема очерков — глубинная связь и почти тождество в восприятии автора германской и русской культур, поставленных войной по разные стороны линии фронта. По мысли Штейнера, «в связи настоящей, германской, с будущей, славянской, культурою решилась судьба будущего»[2]. Резные деревянные архитравы Малого купола Гётеанума изображали культуры разных народов — архитрав «германской культуры» находился рядом со «славянским». Белый вспоминал: «‹...› я предчувствовал, что промежуточные штрихи, которые падают на линию обоих архитравов, суждено мне провести: эти штрихи — спайка культур славянской с германской, спайка — настоящего исторического момента, в котором именно эти культуры на физическом плане катастрофически сшиблись, — штрихи судьбы, мне посланные»[3]. Штейнер (как и Шпенглер и многие в Германии в то время) отводил славянству особую миссию в будущем. Об этой особой миссии славянства в интерпретации Штейнера Белый восторженно писал Александру Блоку еще в мае 1912 г.: «‹...› оккультное исследование над эфирным телом славянина показывает, что в нем вписано имя самого Христа. Отсюда явствует, что славянство, в частности Россию, после громадной тяжести, которую еще всем нам предстоит пережить, поведет сам Христос, а не кто-либо другой»[4]. Не исключено, что это письмо послужило для Блока одним из источников образа Христа, предводительствующего красноармейцами, в «Двенадцати», как цикл публикуемых очерков отразился на «Скифах»; так вырабатывалась «скифская» позиция в отношении будущих событий.

Таким образом, очерки для газеты «Биржевые ведомости» — не промежуточный эпизод в творческой биографии писателя, но скорее отметка нового этапа. В них органически выявляются новые тенденции творчества Андрея Белого: публицистика, предельно насыщенная реалиями не общественного быта, но, скорее, внутреннего диалога; на первый план выступает стремление к автобиографическому письму; при таком условии любое жанровое образование получает инерцию реальности биографической, пропущенной сквозь призму сверхперсональной исторической парадигмы. Писателя не покидает ощущение повсеместного кризиса — жизни, культуры, сознания; так рождается ядро будущего большого цикла «Кризисов» — философских очерков-эссе, которые в течение послереволюционных лет выходили отдельными книгами.

---

1 Там же. С. 410.

2 Там же. С. 416.

3 Там же. С. 417.

4 Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. С. 466.

* * *

Наконец, после возвращения писателя, в декабре 1916 г., газета «Утро России»[1] предложила русским писателям принять участие в анкете и ответить на вопросы: «1) могли ли они работать в период настоящей войны; 2) как отразилась война на их творчестве, в частности и на русской литературе вообще; 3) в какой зависимости от войны протекает искание новых форм творчества». На вопросы отвечали А.Н. Толстой, Б.К. Зайцев, К.Д. Бальмонт, Н.А. Бердяев и Андрей Белый. В своем ответе Белый вновь возвращается к центральной идее «швейцарского цикла», о том, что внутренний духовный кризис порождает кризис целой исторической эпохи. Приведем ее полностью:

На поставленные вами вопросы анкеты мне трудно ответить.

Попробую.

Мог ли я работать в период настоящей войны?

Будучи два года войны за границей, переживал я войну особенно тяжело; первый год войны я работать не мог, отрезанность от России, угнетенное душевное состояние, вызванное событиями войны, побудило меня, наконец, искать в работе того минимума душевного равновесия, без которого вообще трудно жить; я взял себя в руки; во второй год войны я работал поэтому с особенной интенсивностью.

Отразилась ли война на моей работе?

Судить не мне.

Я могу лишь отметить: я в работе своей сосредоточился совершенно сознательно на круге тем, не имеющем ничего общего с современностью, вообще не умею я систематически работать над тем, чем эмоционально бываю захвачен я.

Так, на темы, затронутые 1905 годом, как писатель я мог лишь откликнуться в 1910 году (в романах «Серебряный голубь», «Петербург») потому, что лишь к этому времени несколько улеглись эти темы в душе; работа невозможна без некоторой доли спокойствия.

Думаю, что тема войны есть тема моей работы далекого еще будущего.

Но война отразилась в способе ставить проблемы сознания.

Как случилось, что «я» человечества довело нас всех до войны?

Война подготовлялась столетиями болезней сознания; освободить сознание от сна, проснуться к правдивой действительности, чтобы быть не пассивным зрителем мировой драмы, а деятельным ее участником, стремиться разрешить эту драму в своем личном сознании по мере слабых сил своих, — вот единственное отражение темы войны в круге моих работ.

В какой зависимости от войны протекает искание новых форм творчества?

В единственной зависимости: искомые формы творчества должны быть правдивым отражением найденной гармонии жизни «я» народов, «я» личного; эти формы должны быть

---

[1] Надо сказать, до этого именно «Утро России» публиковало весьма курьезные материалы по теме «Андрей Белый, Дорнах и мировая война»: «В настоящее время в Базеле проживает небольшая колония русских теософов, застигнутая войной в Швейцарии. Среди них хорошо известные в местных литературных кругах поэтессы Маргарита Сабашникова и Мариэтта Шагинян, а также поэт Андрей Белый (Б.Н. Бугаев). Увлеченные идеей создания театра-храма для мистерий, названные лица уединились для этой цели в Швейцарию, а Андрей Белый приобрел себе недалеко от швейцарской границы, но на баварской территории, имение, где предполагалась постройка зданий для мистерий. Эти религиозно-эстетические планы, однако, потерпели полное крушение, так как имение Андрея Белого, как русского подданного, конфисковано германскими властями, а сам талантливый автор “Серебряного голубя” вынужден был бежать в Швейцарию» (Утро России. 1914. Окт.).

истинным мерилом самосознания человека: мы должны лучше *видеть* и *слышать*, чтобы увидеть в себе отблеск образа души родного народа, чтобы услышать голос ее, обращенный к нам.

Национальное самосознание, подлинное выражение русской культуры, которая в нас еще только дремлет, — вот лозунг будущего. Чтобы быть истинно национальными, мы должны чутко слушать в себе и в других, что болит в нас всех душа русской жизни[1].

Под знаком специфически понятого национального возрождения круг «Скифов» (Белый, Блок, Есенин, Клюев) и воспринял начавшуюся через два месяца революцию. Что касается индивидуального пути, Белый оказался прав в том, что «тема войны есть тема работы далекого еще будущего»; темы и образы очерков 1916 г. встречаются, не говоря о непосредственно выросшем из них цикле «На перевале» (продолжением размышлений которого является «История становления самосознающей души»), во многих тогда еще не написанных книгах. Тему распятия, заканчивающую «Восток или Запад», мы встретим в «Записках чудака», «Христос Воскресе» и «Крещеном китайце». Россыпь образов, восходящих к очеркам, обнаруживается в «Москве»[2], действие первого тома которой заканчивается началом войны, а второго — происходит во время нее; прослеживается в очерках и основа сюжета «Москвы» — ответственность интеллектуала за мировую бойню и «снятие катаракта»[3] с его духовного зрения. С очерком «Современные немцы» связан план романа «Германия» 1931 г.; к живописанию горного ландшафта из «Природы» Белый вернется в «Ветре с Кавказа» и даже попробует перейти в этой теме к акварели.

---

1 Литературный субботник: Война и творчество (наша анкета) ‹К.Д. Бальмонт, Н.А. Бердяев, Андрей Белый, Борис Зайцев, граф Алексей Н. Толстой› // Утро России. 1916. № 344 (дек.).

2 «Доктор Доннер» («Гремящая тишина», «Кризис жизни»), «пастораль над бездной» («Горизонты сознания»), вся тема «открытия» («Горизонты сознания», «Природа», «Современные немцы»), Армия спасения («Горизонты сознания»), «черствая страстность» («Кризис жизни»), «созвездие Пса» («Кризис жизни»), Ратенау («Современные немцы»), «противогазовая маска» («Современные немцы»), никому не нужный Спенсер («Восток или Запад»), «Город Солнца» («Мертвые города»), «Лёва Леойцев» («Москва и Петербург в освещении прессы немецкой Швейцарии»); см. примечания к указанным очеркам. Вероятно, еще и многие другие.

3 «Революция — операция снятия катарракта на глазу художника» (*Андрей Белый*. Дневник писателя: Ритм жизни и современность // Россия. 1924. № 2. С. 146; ср. про «катаракт» как старую «личность»: Дневник писателя: Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 113–116, 127).